

Константин Сергеевич Аксаков

**По поводу VIII тома «Истории
России» г. Соловьева**

Константин Аксаков

**По поводу VIII тома «Истории
России» г. Соловьева**

«Public Domain»

1860

Аксаков К. С.

По поводу VIII тома «Истории России» г. Соловьева /
К. С. Аксаков — «Public Domain», 1860

«VIII том «Истории России» почтенного профессора заключает в себе едва ли не самую знаменательную эпоху в русской истории: он содержит в себе царствование Бориса, царствование Шуйского, самозванцев и междоцарствие...»

© Аксаков К. С., 1860

© Public Domain, 1860

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Константин Сергеевич Аксаков По поводу VIII тома «Истории России» г. Соловьева

VIII том «Истории России» почтенного профессора заключает в себе едва ли не самую знаменательную эпоху в русской истории: он содержит в себе царствование Бориса, царствование Шуйского, самозванцев и междуцарствие.

VIII том имеет те же общие недостатки исторического изложения и слога, но гораздо менее, чем предшествующие, уже разобранные нами, два тома, останавливаться на них мы не считаем нужным, ибо в критиках наших на VI и VII томы недостатки эти были разобраны подробно. В этом VIII томе самая быстрота событий заставляла автора вести последовательный рассказ, совокупляя, сосредоточивая в нем разнообразные явления: от чего рассказ жив и изобразителен. Мы укажем теперь же лишь на некоторые странности слога и, впоследствии в своем месте на некоторые, как нам кажется, исторические ошибки. Затем мы обратимся к самой эпохе, рассказанной автором в VIII томе, и выскажем наше мнение. Надобно предварительно сказать, что упреки, нами сделанные VII тому, то есть отрывочность и часто беспричинность выписок, а также недостаток выводов, отсутствие в извлечениях знаменательности явлений, — к VIII тому не подходят. Из этого одного уже видно, как много выше VIII том предыдущих, что мы и спешим заявить с искренней радостью. Мы будем еще иметь случай поговорить особо о достоинствах VIII тома.

Начинаем, как сказали, с указаний на некоторые недостатки в слоге; они не выступают ярко наружу, но зато они падают на внутреннее существо слога. Например:

«Беда грозит молодому человеку; он спасается от нее пострижением, скитается из монастыря в монастырь, попадает наконец в Чудов и берется даже к Иову патриарху для книжного письма. Но здесь речи (чьи?) о возможности быть ему царем на Москве навлекли на него новую беду»¹.

Слог рассказа и сжат, и вял, в одно и то же время; какое отвлеченное и темное это выражение: «речи о возможности быть ему царем на Москве». И потом, чьи речи? — Это могли говорить про Гришку Отрепьева и другие.

Говоря о восстании народном, о той минуте, когда народ ломился во дворец, автор выражается: «Стража оробела и позволила одному из заговорщиков ворваться в царскую спальню и закричать Дмитрию»². *Позволила* — точно будто: *дала позволение*.

«Выдавался он (Заруцкий) действительно перед товарищами красотой, стройностью, отвагою»³. — *Стройность* — странно, вероятно: *стройностью* стана.

«Из полуторы тысячи поляков и донских казаков, бывших в Иосифовом монастыре, осталось только 300 человек, потерявши все, и знамена; при этом бегстве, по признанию самих поляков, большую помощь оказали им донские казаки»⁴. Какую помощь при бегстве? Способствовали ли донские казаки бегству поляков, дали ли им, например, великодушно лошадей своих, — или прикрывали их отступление?..

Приводя место из окружной грамоты, г. Соловьев передает его так: «Вспомните одно: только в корню основание крепко будет, то и дерево неподвижно; если же корня не будет, то к чему прилепиться?»⁵ Это выражение известно читающему русскому миру: оно находится,

¹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 86.

² Там же, т. VIII, с. 151.

³ Там же, с. 123.

⁴ Там же, с. 311.

⁵ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 388.

как эпитафия, на заглавном листе «Русской Беседы», обращающейся к своим соотечественникам со словами древней народной окружной грамоты. Первая половина предложения странно передана почтенным профессором. В грамоте сказано: «Только коренью основание крепко, то и древо неподвижно». Г. профессор передает: *только в корню основание крепко будет*; это неясно и может быть понимаемо различно. Между тем как смысл слов очень прост; его можно было бы буквально передать: *только корню основание крепко*, или – если это кажется не совсем ясно – таким образом: *как только у корня основание крепко, то*, и т. д.

«Послы едва могли уговорить их (смолян) на введение 200 человек»⁶. *Уговорить на введение* – оборот отвлеченный, тяжелый и насильственный. Почему не: *уговорить ввести!*

Конечно, эти замечания неважные; но однако дело идет о русском языке, о русских писателях, пишущих по-русски. От сочинителя «Русской истории» мы, кажется, всегда и везде вправе требовать не только русских слов, но и русского слога.

Теперь обратимся к самой «Истории».

В русском государстве в самом конце XVI века произошло явление дотоле небывалое. Род, призванный народом из-за моря, чтобы государствовать в России, – прекратился. Род самый, если угодно, не прекратился: Рюриковичей было много, но они только происходили от Рюрика, а государями на Руси не были; они были князья, а в России на государстве был уже царь. Они звались именами городов, нося с собой предание об отдельных княжествах, а в России уже не было отдельных княжеств, а было одно царство. Князья-Рюриковичи представляли историческое прошедшее, эпоху, лишенную живой современности, эпоху минувшую. Род, некогда, в 862 году, призванный государствовать, выработался в род царей московских и продолжался для земли только в этом роде. Остальные Рюриковичи слились уже со всеми другими служилыми людьми. На кровь, на происхождение русский народ не обращал внимания. Государственный род был для русской земли только род царей московских. Он дорог был ей, как *естественное* преемство. В течение 700 лет, раз призвав род Рюрика княжить и государствовать, Россия жила при государях этого рода, обеспеченная с этой стороны, не находясь в затруднении, не вдаваясь в хлопоты: кого сделать государем. Государи шли по наследству. Ссорились и сражались между собой, пока государствование еще распространялось на большую или меньшую совокупность Рюриковичей, пока, так сказать, это право власти имело значение и в пространстве, а не только во времени. Но все же это был все тот же государственный род, призванный русской землей. Этот род, суживаясь и стесняясь, вследствие исторического хода, выработался, как мы уже сказали, в род государей московских, и государствование получило значение лишь относительно времени. Из рода явилась династия; в ней выражался, в ней одной лишь жизненно, действительно существовал Рюриковский род. Но как бы то ни было, во всяком случае, земля видела подле себя во главе государства все тот же род, который был некогда призван ею. Вдруг этот семисотлетний род прекращается. Земля увидела себя без государя, которого некогда сама она у себя поставила и который велся у нее долго и наконец перевелся. Сознывая, как в 862 году, необходимость государства, земля находилась почти в том же положении, как и тогда. Но однако при неподвижности главных основ – многое, если не в них, то на них изменилось. Многочисленные отдельные княжества исчезли и заменились единым государством. Вместо многих князей явился один царь. Земля была уже не множеством отдельных, часто враждующих городов или общин, связанных лишь отвлеченной идеей единства, но огромным целым, всей русской землей. Отдельные веча перешли в Земский Собор. Теперь, когда государственный род прекратился, когда в то же время земля, по прежнему, понимая свое назначение высоко и не желая сама в государство переходить, считала нужным держать при себе государство, – что было делать земле? – Опять призывать из-за моря? Но (и в этом разница от

⁶ Там же, с. 403.

862 года) это не была уже земля, не изведавшая государства; напротив того: государство уже 700 лет находилось при земле, не нарушая своих первоначальных отношений. Все государственное устройство было уже заведено, было тут, подле, у себя дома. Недоставало только одного главного лица, чтобы машина государственная двинулась своим порядком: недоставало государя. Но при государстве необходимо образовался разряд людей государственных, людей *служилых* (в отличие от людей *земских*), из которых, следовательно, не ходя за море, можно было выбрать государя, без всякого нарушения главного основания, то есть несимости земли с государством. Итак, необходимо было *выбрать*, ибо с прекращением московского рода естественность преемства, столь уважаемая землей, уже не существовала. Но кого же выбрать в государя? Мы уже сказали, что родовое происхождение вообще, и, следовательно, происхождение от Рюрика ничего не значило в глазах народа и не давало никаких прав. Здесь опять руководилась русская земля *естественностью* выбора. Чего естественнее выбрать было человека, который и без того правил государством, хотя и не был царем, и правлением которого были довольны? Вот простая причина избрания Годунова в стране, которая мало обращает внимания на происхождение, на родовой вопрос. Причина эта высказана современником. Когда князь Пожарский был в Ярославле, к нему пришли туда послы от великого Новгорода, князь Федор Оболенский с товарищами. Оболенский правил посольство к Пожарскому, держал речь, и в речи своей изложил вкратце исторические события той эпохи⁷. Это изложение в высшей степени замечательно; прекрасное само по себе, оно в то же время обнаруживает взгляд современных русских на обстоятельства и действия того времени. В этом изложении князь Оболенский говорит об избрании Годунова так: «И после был выбран Борис Годунов, *по его в Российском государстве правительству*». Эти слова, во всяком случае, очень важные можно понимать двояко: или они значат то, что Борис был выбран потому, *как* он правил (то есть, что он правил хорошо); или же, что Борис был выбран *по тому, что* он уже правил государством. Этот второй смысл кажется нам более вероятным, он подтверждает слова наши о естественности выбора. При этом втором смысле также заключается если не положительная похвала, то одобрение Борису. Если бы его правление не нравилось земле русской, кто же бы ей тогда велел его выбирать? Вспомним, что царствованием Федора все были довольны, а ведь правил Борис: это все знали. Очевидно, что избрание Бориса считалось законным. Тот же Оболенский, сказав без всякого возражения об избрании Бориса, говорит о незаконности избрания Василия Шуйского⁸.

Итак, избранный народной волей Борис сел на престоле так же твердо и надежно, как и наследственные цари. Но вдруг пронесся слух, что род государственный, избранный за семьсот лет, не прекратился; что избрание нового царя было не нужно, ибо существовал естественный наследник Федора. Избрание Бориса уничтожалось само собою, ибо он был избран в том предположении, что у московских царей наследника не осталось. Народ не думал лишать Дмитрия престола, не думал переменять государственного рода. Следовательно, Дмитрий явился, имея на своей стороне всю народную волю. И народ встал за него, за свое решение, им неизменное, вследствие которого должен был царствовать по естественному преемству им за 700 лет призванный род государственный. Вот почему не было и борьбы никакой, не могло быть и выбора между Борисом и Дмитрием. Спор мог быть только в том, истинный ли Дмитрий это или ложный. С одной стороны, была уверенность, с другой, недоумение и сомнение, легко уступавшее уверенности, что это истинный Дмитрий. Вот почему так плохо дрались войска Бориса с войсками Лжедмитрия. Народ стоял за свое народное изволение: быть государем наследственному преемнику, а не за отвлеченное право

⁷ См. «Акты архивной экспедиции». Т. I.

⁸ А на московском государстве учинился государем царь и великий князь Василий Иванович вся Руси, по избранию многих городов, а иные многие украинные города его себе государем не похотели, и пр. — «Акты архивной экспедиции». Т. I.

наследства, которое получало значение (по понятиям древней России) только от народного изволения. Это вполне подтверждается словами наших послов к полякам: «Хотя бы был и прямой прирожденный государь царевич Дмитрий, но если его на государство не хотели, то ему силой нельзя быть на государстве»⁹.

Мнение почтенного профессора о Борисе носит характер какого-то предубеждения, и, страниц, предубеждения тревожного. Он преследует его, как личный враг, ловит его на словах, привязывается к нему на каждом шагу. Например:

«Но среди этих распоряжений новый царь занимался и тем, чтобы щедростью и угощениями привязать к себе служилых людей: пишут, что почти ежедневно бывали у него обеды на 70 000 человек: „И подавал, говорит летописец, ратным людям и всяким в Серпухове жалованье и милость великую“. Цель, по-видимому, была достигнута: „Они все, видя от него милость, обрадовались, чаяли и вперед себе от него такого же жалованья“. Итак, вот на чем основался союз Годунова со служилыми людьми: они чаяли вперед себе от него большого жалованья!»¹⁰

Вывод совсем неверен: тут нет и речи «о союзе со служилыми людьми»; тут просто сказано, что они обрадовались и чаяли и вперед себе от Годунова такого же жалованья. Откуда же следует, что на этом был основан союз Годунова со служилыми людьми? Это могло быть сказано и о царе Федоре Ивановиче, и о всяком другом царе.

Автор, можно сказать, становится в полемическое отношение к Борису. Вот пример:

«Годунов был избран голосом всей земли; народ, стоя на коленях, с воплем и слезами умолял его умиласердиться, принять престол: какого права нужно было после того человеку, хотя бы он был самого низкого происхождения? Не было ли признаком крайнего мелкодушия тяготиться своим относительно незнатным происхождением, подозревать, что для других это происхождение уменьшает права, значение всенародного избранника? Не было ли признаком крайнего мелкодушия не уметь скрыть этого подозрения, обнаружить свою слабость, напомнить народу о том, о чем, вероятно, большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное определение об избрании Годунова в цари. В нем прежде всего прямо объявлено, что царь Иван Васильевич, умирая, вручил сына своего Федора боярину Борису Федоровичу с такими словами: „Тебе предаю с Богом этого сына моего, будь благоприятен ему до скончания живота его, а по его смерти тебе приказываю и царство это“. И царь Федор по приказу отца своего и по приятельству вручил царство Борису Федоровичу. Далее патриарх счел нужным примерами из священной и римской истории показать, что восходили на царский престол люди не от царского рода и не от великих синклит, и, несмотря на то большой славы достигали, ибо не на благородство зрит Бог, но благоверие предызбирает и душу благочестивую почитает. Наконец, в заключении говорится: „Да не скажет кто-нибудь: отлучимся от них, потому что царя сами себе поставили: да не будет того, да не отлучаются, а если кто скажет такое слово, то неразумен есть и проклят“. Странное предположение возможности подобного слова после стольких всенародных слез и воплей!»¹¹

Вот уж здесь, точно, *всякое лыко идет в строку*, как говорится, возражаем!.. Начать с того, что при каких угодно искренних слезах всенародных, все могут найти люди, которые захотят затевать крамолы даже против народной воли. А здесь так и сказано: «кто-нибудь». Потом по русским понятиям, конечно, избрание всем народом есть полнейшее право на престол; и в первых словах соборного определения выражается, по нашему мнению, не иное что, как намерение объяснить естественность выбора, естественность народного назначения Бориса в цари. В дальнейших же приводимых г. Соловьевым словах высказывается

⁹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 201.

¹⁰ Там же, с. 13.

¹¹ «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 15–16.

взгляд духовенства, взгляд несколько византийский, который (как мы уже не раз замечали), в тех случаях, когда слышалось в нем византийское предание, расходился врозь со взглядом народным, – тот взгляд духовенства, которому и в этом случае избрание всенародное, вопреки русскому воззрению, могло казаться недостаточным. Были ли точно всенародные вопли и слезы – это другой вопрос. Но мы думаем (вследствие сказанного нами), что слова эти нисколько не заподозривают этих всенародных слез и воплей.

Далее:

«С одной стороны видим в актах, относящихся к избранию Годунова, страшное злоупотребление в известиях о всеобщей преданности, всеобщих воплях и слезах при челобитии, всеобщем восторге при согласии принять царство: и тут же встречаем в совершенном противоречии сильную подозрительность со стороны человека, которому оказывается столько усердия. Одно из двух: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующих, обличала человека, недостойного такого усердия, или, если подозрительность была основательна, то беспрерывно повторяемые известия о всеобщем усердии заключали в себе вопиющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неуверенность в самом себе высказалась и в этом страхе перед низостью происхождения, страхе, недостойном человека, избранного всей землей, которая самим этим избранием подняла его выше всех. Мелкодушие Годунова, непонимание своего положения высказалось и в этом явном стремлении задаривать, заискивать себе расположение народное расточением милостей, небывалым при прежних государях, например, в этих пиршествах и подарках ратным людям, которые не видали неприятеля; Годунов не понимал, что только тот может приобрести прочное народное расположение, кто не ищет его, или, по крайней мере, не показывает ни малейшего вида, что ищет, не понимал, что расточение милостей только уменьшает их цену, что милость, дарованная государем, по наследству престол получившим, имеет только значение милости, тогда как милость от царя избранного является в виде платы за избрание. Наконец, недостаток нравственного величия, умения владеть собою, не забытья при достижении желанной цели, всего разительнее оказался в словах Годунова, произнесенных при царском венчании: „Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!“ Как можно обрадоваться до такой степени, забытья от радости до такой степени, чтобы торжественно связать себя подобным обещанием!»¹².

Почтенный профессор забывает, что при официальных актах или лучше при официальном изложении дела вступала в свои права византийская риторика, к которой считало как бы обязанностью прибегать, в известных случаях, наше высшее духовенство, и от которой столько отличается старинное летописное изложение, составленное, однако, духовными же лицами, но при других условиях. Эту официальную риторику встречаем мы в актах, относящихся к избранию Бориса Годунова. Это не официальная ложь: это просто высокопарный слог, цветы красноречия, сочувствия к которым мы, конечно, не имеем; ибо это все-таки ложь, хотя и риторическая, ибо это цветы поддельные, ради красоты слога. Такой же официальной риторикой сильно пропитана летопись Авраамия Палицына. А здесь нет Годунова, ради которого, по мнению г. Соловьева, являлась эта официальная ложь. Г. профессор говорит, что «милость, дарованная государем, по наследству престол получившим, имеет только значение милости, тогда как милость от царя избранного является в виде платы за избрание». Странные слова! Слова, обидные для народа. Разве можно купить народное избрание, *народное*, где *все* имеют право голоса? Неужели весь народ может быть продажным? К тому же, если принять слова почтенного профессора, то царь избранный не может уже и оказывать милости, а только царь наследственный.

¹² «История России» С. М. Соловьева, т. VIII, с. 17–18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.